

МАРСИАНСКИЕ ИСТОРИИ

И. ГЛЕМБЯ
А. ПРОХОРЕНКО

ПЕРВЫЕ ШАГИ
К ВЛАСТИ

Марсианские истории

Андрей Прохоренко

Первые шаги к власти

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Прохоренко А.

Первые шаги к власти / А. Прохоренко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Марсианские истории)

ISBN 978-1-38-766974-5

Марс (Ноэл) и марсиане (инчарсы) накануне глобальных перемен около одного миллиарда трехсот восьмидесяти миллионов лет до нынешнего времени. В семье научных работников беззаботно растет и обучается при исследовательском центре до восемнадцатилетнего возраста Маигун. Все планы юного инчарса о продолжении обучения в столице рушит война. Из-за предательства добровольно уходят из жизни его родители, а он, спасаясь бегством вместе с сестрой, не без приключений оказывается в бункере под поверхностью Марса. На протяжении десятилетий делятся всестороннее обучение и подготовка Маигуна под руководством учителя и друга Уйгуса, чтобы изменить свою судьбу, стать сильным и со временем прийти к власти. Завершая полную приключений жизнь, Элоджил (Маигун) видит своей главной задачей поведать землянам в записках о жизни на Марсе, о жизненных уроках, о становлении и обретении самого себя.

ISBN 978-1-38-766974-5

© Прохоренко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Иван Глемба, Андрей Прохоренко

Первые шаги к власти

Предисловие

История, предлагаемая вниманию читателю, на первый взгляд может показаться боевиком, детективом и героической фантастикой одновременно, происходящими в недалеком будущем на Земле. На самом деле все события, описанные в книге, происходили на Марсе в далеком прошлом, около миллиарда трехсот восьмидесяти миллионов лет тому назад. Именно в то время на Марсе (Нозле) жил достаточно продолжительное по земным меркам время, более трех тысяч лет, мастер Элоджил.

Записки Элоджила, на основании которых написана эта книга и будут представлены другие книги серии «Марсианские истории», содержат описание его жизненного пути, а также событий, которые разворачивались на планете в то время, и передают наиболее полно колорит и отличительные особенности условий жизни на Марсе. Все-таки речь идет не о Земле, а, в соответствии с информацией Элоджила, о погасшем солнце, которое после остывания было переведено в солнечную систему. Да-да, Марс изначально не находился в солнечной системе. Его появление в ней стало следствием работы представителей одной из могущественных цивилизаций прошлого.

Марс, загадочная красная планета, всегда и во все времена привлекал к себе взоры человечества. Некоторые его представители небезосновательно считали, что раньше на этой планете существовала жизнь, которая в силу неизвестных причин покинула ее. Рассказ оцилла (мастера) Элоджила приоткрывает не только тайну этой планеты, но и описывает нравы и обычаи, принятые на Марсе. Также Элоджил высказывается о возможности колонизации Марса землянами.

Авторам видится, что рассказ Элоджила особенно актуален в связи с готовящимся полетом землян на Марс. Будет ли этот шаг весомым вкладом в освоение космоса, как это принято считать, – вот один из основополагающих вопросов. Основным фактором в ответе на этот вопрос является то, что на планете отсутствует жизненное поле. Если говорить другими словами – планета мертва, а мертвые планеты не колонизируются.

Мы, живя на Земле, вместо того, чтобы заботиться о нашем доме, пытаемся ступить на твердь других планет, зачастую не зная ничего об их действительной истории, о том, что происходило на них в прошлом, а также, какие опасности грозят Земле и человечеству, когда его представители там обоснуются.

Считаем необходимым упомянуть также о том, что долгое время планеты Марс и Фаэтон сосуществовали одновременно, а их представители были тесно связаны между собой. Марс был базой для производств, которых вообще не было на Фаэтоне. Гибель Фаэтона стала отправной точкой в развитии и становлении Марса, как отдельно взятой планеты в солнечной системе.

Потребовалось продолжительное время, речь идет о десятках миллионов лет, чтобы марсианская цивилизация, восприняв и видоизменив на своей базе технологии фаэтонцев и представителей родинайского содружества, смогла существовать и сохранять продолжительное время на планете жизнь, а также ее жизненное поле.

Гибель цивилизации на Марсе подвела черту под существованием в солнечной системе высокоразвитых цивилизаций, представители которых еще обладали технологиями для наращивания атмосферы, поддержания на планетах нужных условий для жизни. Человечество пока еще даже не делает первые шаги в освоении космического пространства, а также точно не

знает, была ли жизнь на Марсе, а если и была, то почему ушла с него и других планет, существовавших ранее в солнечной системе.

После короткого предисловия авторы предоставляют слово Элоджилю.

Глава 1

Прикосновение к прошлому

Начинать всегда трудно, когда после протяженного жизненного пути тебе все больше хочется отдохнуть, но ты знаешь, что, не сделав еще одного важного дела, все сделанное раньше – не имеет особого значения.

Прожить жизнь и к исходу ее иметь время сказать себе и потомкам самое важное – вот истинная награда за труды и лишения, за потери и за то, что ты, отягощенный проблемами, приходишь к завершению жизненного пути.

Вместе с тем, когда ты задаешься вопросом: а могло ли быть по-другому, то получаешь вполне закономерный ответ – нет, ни при каких обстоятельствах.

Чем дальше проживаешь жизнь, тем все больше укореняется в сознании мысль, что ты всего лишь заложник сложившихся обстоятельств, но пока еще мне в своей судьбе и в судьбе планеты многое удастся изменить. Иначе не стоило жить.

Земля – вот, что самое главное. Она с некоторого времени моя надежда на самое лучшее, что еще может произойти в жизни при любом исходе со мной и моими друзьями...

Элоджил. Из дневника

В жизни любого инчарса (так называли сами себя представители марсианской цивилизации) наступает момент, когда ему хочется, оглянувшись на прожитые годы, сделать некоторые выводы в отношении себя и жизни. Я, Элоджил Во Суарк Иниджай, не исключение. Только передо мной стоит более масштабная и сложная задача: описать свою жизнь и события, в ней происходившие, так, чтобы они были понятны не только для меня, но и для землян. При этом мне предстоит познакомить землян с нашей цивилизацией, с Марсом и со всеми основными событиями, происходившими на планете, по крайней мере, за несколько сотен миллионов лет. Задача эта, как я уже убедился, не из легких. Собрать в одно целое порой разрозненные события, отстоящие друг от друга на миллионы лет, как оказалось, совсем непросто. Вместе с тем без упоминания о них картина происходящего будет отрывочной.

Тем не менее, мне не привыкать решать сложные задачи, по большей мере такие, у которых вообще нет видимого положительного решения. Для этого, как я убедился, надо постоянно готовиться, что я и делал на протяжении всей жизни. Да, я не искушенный рассказчик, но пришлось таковым стать. Иного пути я для себя не видел. Ведь мой труд – не только мостик между двумя цивилизациями, которые отстоят друг от друга на миллиард триста восемьдесят миллионов лет, но и возможность предупредить потомков, донести до них многое из того, без чего их мир, стоящий на грани гибели, сойдет в бездну. Такие условия складываются не потому, что я хочу или нет, чтобы так произошло. Наивно было бы так полагать. Речь идет о неумолимо наступающей инволюции, о ее представителях, которые, как будто сорвавшись с поводка, рубят ветку, на которой сами же и сидят.

Нет разумного объяснения действиям некоторых инчарсов, тем более занимающих высокие посты на уровне правителей вэцлахов (освоенных зон на поверхности Марса, тоже, что и государство) и членов планетарного совета. Нет, и быть не может лишь потому, что замысел вскоре вступит в решающую стадию своего действия на планете. А принесет она лишь одно: кровь, разрушение, войны и бедствия, которых и так хватает. Мы не сможем удержать ситуацию под контролем так, чтобы сохранить атмосферу, пригодную для жизни, а, главное, жизненное

поле планеты, которое вскоре рассыплется. Жизнь уйдет с Марса, как это было на десятках планетах, существовавших в бескрайнем космосе. Мы не первые и не последние, хоть мне и не хочется констатировать данный факт.

Правда и то, что, если посмотреть сейчас, когда я записываю на чилты (диски) свои мысли, с высоты жилища, в котором я нахожусь, на окружающий мир, то даже косвенные подтверждения моим словам трудно будет найти. Мир за варсиеном (прозрачный материал, схожий по свойству со стеклом) поражает разнообразием и обилием красок. Тысячи наргов (высокие дома по типу небоскребов) поднимаются рядом. Я смотрю на них с высоты здания, находясь в Цитле, в шарообразной сфере, расположенной на шпиле, уходящем высоко в небо. Здесь самая высокая точка Зарфаны – столицы вэцлаха Инай. Еще недавно я был правителем этой самой крупной зоны на Марсе, но несколько лет назад передал власть приемнику и теперь чувствую себя удовлетворенным. Этот шаг и позволил мне выкроить время для упорядочивания и приведения в должный вид записок, большую часть которых я написал еще раньше.

В них не только история моей жизни, но и рассказ о солнечной системе, о космосе и о других планетах, в частности о Лаэсе (Фаэтоне). Без него, что не подвергается сомнению никем из современников, жизнь на Ноэле (Марсе) была бы невозможна. Марс ведь, по сути, был долгое время колонией Фаэтона. На этой планете располагались производства фаэтонцев. В недрах Марса содержался элемент нагсий – универсальное средство для сверхпрочных сплавов широкого спектра назначения. Сейчас нагсия уже почти что нет. Весь добыли. Нагсий заменили породой, что привело к самым необычным явлениям на поверхности планеты. Марсотрясения и извержения вулканов, как оказывается, не самое большое зло, а вот переменная гравитация на отдельных участках, спонтанно возникающая и не дающая возможности нормально жить, – один из самых больших бичей планеты, как и нехватка воды.

Главная же проблема Марса, как я вижу с высоты прожитых лет, не в последствиях добычи нагсия, не в сменной гравитации или пылевых бурях, даже не в нехватке воды, а в мыслях, которые принимаются к действию некоторыми уцихами (правителями зон). Война и разорение стали уделом многих правителей, отдельных обществ и организаций. За счет войны они живут, пока есть инчарсы, еще создающие блага.

Образ жизни, при котором война – норма, несмотря на то, что это – противоестественное состояние для обитателей Марса, активно пропагандируется. Доводы разума во внимание не принимаются. Любой продукт, который ты выработал, уже, де-факто, тебе не принадлежит еще на стадии производства. Если ты не умеешь постоять за себя и защитить свой труд, с тобой вообще не будут считаться, продадут в откровенное рабство или убьют ради забавы, издеваясь, если ты ни на что больше не пригоден.

Сейчас мне уже почти что две с половиной тысячи лет. Наш год немного длиннее земного, во всяком случае того года, который будет в будущем у землян, когда они прочитают мои записки. С учетом временных подвижек в соответствии с земным летоисчислением я уже прожил более трех тысяч лет и это еще не предел. Тем не менее, я ловлю себя на мысли о том, что не хочу жить, видя происходящее на планете. Удерживает меня лишь знание того, что будет дальше, если я уйду. Планета в таком случае очень быстро и окончательно погрузится в хаос выяснения отношений. Следствием станет скорая потеря атмосферы, которую уже не раз и не два восстанавливали. Когда это происходило, на короткое время жизнь на Ноэле прекращалась или уходила под поверхность, но там, я вам скажу, жить, подобно кротам, не комфортно, даже имея все соответствующие условия. Об этом сужу не из чужих слов, поскольку мне пришлось долгие годы находиться под поверхностью, лишь изредка выходя наружу.

Свет Солнца, что ни говори, лечит, хоть оно и далеко от Марса. Земля – вот идеальное место жизни в солнечной системе после, конечно, Лаэса. Обойти описанием эту планету я не могу. Роль Фаэтона в становлении Марса и Земли первостепенна. Но в случае Земли Фаэтон – ее самый близкий родственник по типу материи, из которой соткан земной шар. Марс же не

является родственником Фазтона даже отдаленным. Марс пересушен. Было время, когда он горел, как солнце. Те времена давно прошли. Планета остыла, на ее поверхности уже миллиарды лет можно жить, но без воды, как земляне будут говорить: и не туды и не сюды... Вода и ее нехватка – вот две основных проблемы Марса. С нехваткой, скажут земляне, все понятно, а почему же проблема в воде? Парадокс ситуации заключается в том, что воду наш организм почему-то отторгает. С одной стороны, инчарсы не могут жить без воды, а с другой – ее избыток приводит к проблемам и к ранней смерти.

Представители нашей цивилизации находятся между молотом и наковальней уже даже не миллионы, а десятки миллионов лет. Положение дел то слегка улучшается, то ухудшается, но так, чтобы можно было выжить. Одна раса сменяется другой, но это приносит лишь временное облегчение. Не проблема вырастить тела расы, проблема в их внутреннем и внешнем энергетическом обеспечении, в индексе сознательности, умности и разумности, в стойкости расы.

Что такое физическое тело без должного энергетического обеспечения? Кусок мяса, не больше. Да, можно в мозги записать любую программу, даже программную матрицу для сложного организма. При этом внешне объект будет достигать высот в чем угодно, будь то производственная деятельность на поле самых последних технологий, сочинение музыки или рисование картин. Роли и значения это не имеет.

Но программирование есть программирование, выше него индивид не поднимется. Если не научится мыслить самостоятельно, он так и будет играть, используя то, что у него есть, и постепенно загибаясь по мере растрачивания ресурса физического тела и его сопровождения. Такая жизнь по заданной ранее программе называется асна.

Внешне все выглядит благопристойно. Каждый индивид, живущий по программе, делает то, что от него требуется и ему вменяет программа с широчайшими возможностями, но все-таки программа – не более чем ограничение. За ее выполнением наблюдают лица, которые, если ты начинаешь освобождаться от ее действия, «направляют» тебя, корректируя действия, деятельность и судьбу. В вашем мире на Земле этим будут заниматься шарлатаны или мало что сведущие в этом деле ведуньи и ворожеи, на Марсе же этим заведовали компании и агенты ими нанимаемые. Этот класс надзирателей и консультантов имел в своем распоряжении все соответствующие средства и оборудование от препаратов до лечебниц, в которых «лечились» и перевоспитывались неугомонные индивиды, пытающиеся жить так, как им виделось необходимым.

Часто бывает, что программирование дает сбой. Нет программного обеспечения, которое бы не портилось, не приходило бы в негодность, рождая аномалии в головах инчарсов. Когда-то инчарсы были ведущей расой, но к моменту моего рассказа на Марсе проживали по большей части ее модификации. Физическое тело среднестатистического инчарса обрабатывалось еще на уровне зародыша в черве матери. Там ему вписывалось все надлежащее программное обеспечение, закладывалось должное поведение, способности и предрасположенность к тому или иному виду деятельности.

Вечирг (биопрограммирование) был нормой. Это все равно, как загрузить систему в компьютере, насытив ее программами. Человеческий мозг и организм в целом – такая же моделируемая система, особенно, если над ней поработать определенным образом. Хуже, когда часть инчарсов контролируется одними силами, а остальные части – их противниками. Вот тогда-то и начинается самое опасное: направленный вечирг.

Что это такое? Программирование, осуществляемое посредством микрочипов, которое определяет твое поведение, привычки, но, что самое главное, предпочтения и отношение к тем или иным особам по роду деятельности, проживания, модификации расы или по любому другому признаку. Ты вдруг ни с того ни с сего «проникаешься» необычайной «любовью к ближнему» до той степени, что хочешь любыми средствами подчинить его своей воле или, что проще, уничтожить. Но силы, которые контролируют программное обеспечение и инчарсов,

легких путей не ищут. Их задача очень проста: выяснение отношений и столкновение классов и групп на различной почве, пока цивилизация не придет к упадку. Мне удалось слегка выровнять положение дел за продолжительную жизнь, но все мои успехи и достижения – только лишь небольшая отсрочка в действии сценария, который неумолимо разыгрывается на Марсе. Особенно четко видится мне эта правда под конец жизни.

Я, владея способностями, мог видеть и прошлое, и относительно недалекое будущее. Временная разница между существованием цивилизации инчарсов и землянами величиной в миллиард триста восемьдесят миллионов лет очень мала, даже если рассматривать ее в масштабе солнечной системы. Если же выходить на уровень галактики, тем более вселенной, то эта величина и вовсе ничтожна. Почему это я говорю? Глядя в будущее Земли и человечества, я видел землян и то, что произойдет в конечном итоге с Землей.

Скажу честно, будущее человечества меня не обрадовало. Вы придете, только в свое время и в земных условиях, к тому, к чему пришел Марс, и ранее Фаэтон: к порогу, за которым виднеется бездна. Когда мои записки будут прочитаны, еще что-то можно будет сделать, чтобы оттянуть исход. Худшее для землян наступит позже, когда из жизни уйдут те, кто хоть что-то может сделать для сохранения условий жизни на планете.

Когда нет преемственности знаний и достижений, нет лидеров, способных повести за собой или сделать так, чтобы лучшие умы сориентировались в определенном направлении, остается одно: проедать ресурс планеты и как-то выживать. При этом те, кто производят хоть какие-то блага, становятся все большими рабами и зависимыми существами, превращаясь в телах прямоходящих существ в амёб. В таком случае никакие технологии и достижения не говорят о прогрессе цивилизации. Они лишь свидетельствуют об ее упадке, о слабости сознания и зависимости личностей от внешнего фактора. Более того, этот фактор возводится в ранг всемогущего существа, раздающего по своему разумению милости, если его попросят. Ему начинают служить и перед ним уничижаются, возлагают к ногам статуй цветы и, преклонив колени, смиренно молят: дай, дай и только мне, и самого лучшего.

Так рождаются потребители и полностью зависимые от внешней силы существа, которые готовы, если кто-то скажет против них слово, перерезать ему глотку, поскольку он выступает против того, что записано в виде программы в их головы. Сознательная работа в данном случае полностью отсутствует, зато присутствует пробивание пола и стенок лбом.

Чем больше личностей, полагающихся на что-то внешнее, тем ближе на самом деле конец цивилизации или расы. Проверено неоднократно и на сотнях планетах в самых что ни на есть развитых планетарных содружествах. Ни Марс, ни Фаэтон, земляне, не исключение. Здесь, как будет видно из моего рассказа, происходили те же события, только в несколько другом разрезе, чем они будут происходить в вашем времени на Земле.

Еще скажу, почему станет, на мой взгляд, возможным получение информации от предков. Дело в том, что перед окончательным загибанием в существовании любой цивилизации наступает короткая пауза, когда силы инволюции, даже предопределение, ослабляют на время зажим. Тогда в некоторых личностях проявляется искра сознания, которая, прежде чем погаснуть, успевает осветить окружающий мир и выявить в нем контуры и черты реальности, а не сотканной иллюзии. Таких представителей в самых разных цивилизациях становится все меньше, но этим-то они и ценны.

Я уже сейчас на Марсе признан выдающейся личностью – ицааром. Совет недавно объявил об этом во всеуслышание. Во всех вэцлах, особенно в ведущих, меня признали чуть ли не спасителем цивилизации, гарантом мира и спокойствия. Хотя, несмотря на усилия мои и соратников, войны не прекратились. Боевые действия продолжаются в ряде окраинных вэцлах, но с меньшим ожесточением и накалом. Пришлось принять меры для того, чтобы враг знал: если он сунется в центральные государства, являющиеся пока что зоной мира, то будет уничтожен.

Все переговоры и увещания – пустой звук, если они не подкреплены силой. Если же тебе наносят удар, а ты не отвечаешь, предпочитая где-то укрыться, то тем самым ты только лишь поощряешь агрессора к тому, чтобы он активнее тебя достал. Тогда в равной степени, как и он, в том, что тебя достают, виновен и ты. Аксиома проста и стара, как мир. Доказательств она не требует. Все вопли о мире, равенстве и братстве отходят на второй план, когда преследуются интересы определенных сил.

Не буду скрывать, что правители многих вэцлахов шли на намеренное истребление части жителей, которых считали нуйгами, отработанным материалом. Этого никто не скрывал. Считалось, что, уничтожая нуйгов, каждый правитель очищает место для более развитых и совершенных личностей. То, что кроме нуйгов уничтожались и интеллектуалы, мало кого волновало. В данном случае, как в пословице: лес рубят, а щепки летят, ничего не поделаешь, такова жизнь...

К чему я веду? Лишь к тому, чтобы начать рассказ о том, как нашу семью, жившую в вэцлахе Удвил, причислили к нуйгам и готовились зачистить. Мне было тогда всего лишь восемнадцать ургов (марсианских лет). Я был юн, горяч и несдержан. Мой отец, Матиотан Ур Сугриц, был более спокоен, но и он, видя, что сделали наемники с населением нескольких городов, которое захватили, сделал очевидный вывод:

– Если не уберемся, нас ждет такой же удел.

Моя мать сразу же отозвалась:

– Куда же мы денемся!? Здесь наш дом, здесь жили родители, – и замолчала, глядя на отца.

У него тогда ответа на этот вопрос не было. Но Матио точно знал: если мы не успеем сбежать, нас в лучшем случае, взяв плен, перепрограммируют, частично переписав личности, а в худшем – убьют ради забавы. Причем с некоторого времени опасность нам начала грозить, что со стороны противника, что от правителя вэцлаха Удвил и его ближайших помощников. Такой вариант развития событий не вдохновлял ни отца, ни мать, ни меня с сестрой.

В один из дней мы вынужденно оставили дом, уехали на карч (шестиместный летательный аппарат) и отец, недолго думая, взял курс в поселение Гавлац, располагавшееся вдали от зоны боевых действий. Там у отца были знакомые. Он рассчитывал какое-то время побыть у них, тем более что недалеко от Гавлаца было еще одно наше летнее жилище – дицих (дачный домик). Я несколько раз там отдыхал. Поблизости росла небольшая рощица веручуинов (марсианских деревьев), вокруг было тихо и пустынно. Местность была холмистая, а рядом, что немаловажно, протекал шийрий (канал-речка). Захолустье, конечно, но за неимением лучшего пристанища нам ничего не оставалось, как проследовать туда.

В Гавлаце правил в то время Мухат, один из помощников правителя Удвила. В его распоряжении было около пятисот воинов, соответствующим образом вооруженных и снаряженных, что было немалой силой, если учесть, что мужчины организуют еще отряды ополчения. Только не вышло так, как мы все предполагали. Никто не знал, что Мухат на самом деле был предателем и готовился передать Гавлац в руки жесткого правителя соседней зоны – Урэны. В результате наступления Урэна рассчитывал полностью захватить вэцлах Удвил и его столицу Мэарэю, где мы и проживали. При этом, как справедливо считал отец, столицу защищать не будут, а сдадут без боя, что и произошло, поскольку армия, защищавшая наш вэцлах, была разбита в двух сражениях. А уиц нашей зоны, им был Каоба, видя сложившуюся ситуацию, согласился в обмен на гарантии, что столицу не разрушат, передать ее врагам. Урэна, конечно, был доволен и обещал Каобе не трогать Мэарэю, но это касалось правителя и его окружения. Нуйгам гарантий никто не давал. Они должны были умереть, и мы вместе с ними.

Отец принадлежал к касте оцаланов (интеллектуалов). Он был разработчиком самых различных проектов, оборудования, простейших предметов, так необходимых в обиходе. Таланты его, впрочем, распространялись также и на строительство самых различных жилищ и сиев

(укрепленных поселений). Отцу было уже двести двадцать пять ургов. Он зарекомендовал себя на работе и имел разрешение жить до пятисот лет, возглавляя отдел таких же, как и он, оцаланов.

Работал отец в Нэируме, в центре, где в одном месте были сосредоточены тысячи оцаланов, занимающихся как разработкой всевозможных проектов, так и их практической реализации в мастерских и доанах – огромных крытых сооружениях, где производилась сборка и апробация оборудования и не только. При Нэируме было сразу несколько поселений, в одном из которых я родился и жил до того времени, как отец и мать не получили колуум (отдельный дом) в Мэарэе.

Наша семья, когда мне исполнилось шестнадцать лет, переехала на новое место жительства, но я никак не мог привыкнуть к обстановке, которая меня раздражала. Ведь с детства я привык к другим условиям. А тут столица, суэта, спешка, тысячи целгов (летательных аппаратов), снующих в воздухе, и сотни тысяч лиц, с которыми ты не знаком. Не то, что в поселении при Нэируме, в котором все тебя знают, как и ты их. У меня были друзья, с которыми я вынужденно расстался. Так всегда бывает, когда в твоей жизни завершается один период и начинается другой.

Впрочем, отец сразу сказал, что в Мэарэе я буду только учиться. А как выучусь, то он сразу же возьмет меня к себе в Нэирум. Были школы и при нем, но отец, посоветовавшись с матерью, решил мне, как он считал, дать самое лучшее образование, которое только могло быть. Муций (лицей и институт в одном лице) Ао-Вагай был привилегированным заведением в столице. Дипломы об его окончании принимались в любых зонах, а не только в вэцлахе Удвил.

В соответствии с решением марсианского Совета Ао-Вагай входил в двадцатку лучших подобных учебных заведений. Первый этап обучения в муции был рассчитан на двенадцать лет. Если ты подавал надежды и достигал определенных успехов, то мог продолжить обучение, сроки которого колебались от шести до восемнадцати ургов в зависимости от профиля и способностей. Выходили из муции уже специалистами с направлением на работу в конкретное место. Чаще всего выпускник получал направление в Нэирум. Этим-то и объяснялось желание отца, чтобы я получил образование именно в Ао-Вагае. Отец видел во мне наследника, который продолжит его дело, считал, что так будет непременно. Надо сказать, что я тоже так думал до определенного времени, но жизнь распорядилась по-другому.

Обучение в муции начиналось только лишь в восемнадцать лет. К этому времени каждый желающий обучаться был обязан не только пройти краткий курс предварительного обучения и иметь справку об этом, но и сдать экзамены. Я имел достойную подготовку и сдал экзамены, был уже зачислен в муций, а тут война, как я считал, разразившаяся самым неожиданным образом. На самом же деле тучи войны и раньше заслоняли чистое небо над нашими головами. Вот только они клубились, то расступаясь, то вновь собираясь вдалеке. С них не шел дождь на наши головы, в них не сверкала молния, а раскаты грома слышались вдалеке.

Жители вэцлаха Удвил привыкли жить под угрозой войны. На Марсе она никогда не прекращалась на моей памяти. Правитель Каоба имел армию и все для того, чтобы отразить нападение, но, когда удар наносится тебе со спины, а потом уже внешний враг довершает дело, шансов выиграть кампанию не так уже и много.

Это сейчас, когда с высоты прожитых лет гляжу на прошлые события, я такой умный. В детстве же, а годы до восемнадцати лет я иначе, чем детством, не называю, я был оторван от жизни и не слишком-то вникал в происходящее вокруг. Случай, произошедший со мной, после того, как наша семья покинула столицу, стал началом моего пробуждения. Я мог погибнуть, но выжил. Моей семье повезло меньше... Впрочем, я забегаю вперед, вместо того, чтобы последовательно рассказать о событиях, а также кратко упомянуть о родителях и семье.

Моя мать, Ажина Гэалая, также принадлежала к классу интеллектуалов. Она была моложе отца больше, чем на сто лет. У нее была с отцом вторая семья, а у него уже третья.

Ажина была одно время помощницей Матиотана по работе. Как-то так само собой получилось, что родители стали жить вместе. Они были интересны друг другу, объединены общей работой и взглядами на мир. У инчарсов этой профессии на первом плане всегда стояла работа и их реализация в ней, а потом уже все остальное.

Отец пользовался доверием у первых помощников уцixa Удвила. По заказу правителя он разрабатывал, в том числе и вооружение, которое несколько раз помогало отбивать нападения соседей. Всякий раз враги отступали, оставляя на полях сражения сотни тел. Гибли клонированные солдаты, биороботы, запрограммированные для ведения боевых действий. В общем, мы могли себя отстоять. На территории Удвила не было уже более шестидесяти лет войны, что позволило накопить в вэцлах немалый потенциал, в первую очередь интеллектуальный, а уже потом производственный и любой другой.

Мирная жизнь способствует накоплению богатства. Тем более что Каоба заботился об интеллектуалах и разработчиках. Оцаланы были привилегированным классом. В Удвиле им жилось хорошо, но однажды приходит время, когда ветер перемен срывает тебя с насиженных мест, побуждая спасать свою жизнь, не заботясь об остальном.

В нашей семье было четверо детей. Я, в детстве Маигун Ур Сугриц, был самым младшим ребенком в семье. Все мои старшие братья и сестры уже обучались в тех или иных заведениях, чтобы получить оуц – аттестат зрелости, который позволял быть полноправным гражданином. Для этого надо было постараться. Ты должен был в обязательном порядке окончить начальный одиннадцатилетний курс обучения, а затем еще шесть, а еще лучше двенадцать лет в любом учебном заведении. В таком случае ты получал аттестат и право голоса. В противном случае гражданином ты не становился и права, равные гражданам, не получал, а это значило одно: жалкую судьбу нуйга и отщепенца.

Без оуца с тобой не разговаривали и имели полное право задержать до выяснения обстоятельств или направить на принудительное обучение, или даже исправить твою личность, улучшив ее. Но, что было еще хуже, тебя могли в таком случае отправить в ряды дачаэнов, наемников, которые щедро устилали телами поверхность планеты в войнах, которые никогда не заканчивались.

Что такое война? Она – только лишь избавительница от мучений. Что такое жизнь дачаэна? Всего лишь разменная монета в игре уцихов и надшеков – предводителей отрядов воинов, которых было предостаточно в зоне Лоуй, граничившей с вэцлахом Удвил. Становясь дачаэном, ты облакал себя на короткую жизнь и быструю смерть, которая неизменно находила тебя. Так считал я, слушая рассуждения отца, который считал дачаэнов чуть ли ни низшей кастой. Отец не был воином, как и его дед и прадед, принадлежавшие к классу интеллектуалов. И я даже предположить не мог, что отойду от призвания. Себя я видел, как и отец, оцаланом. Я только лишь начал учиться, а тут война. Причем война началась не на территории соседнего вэцлаха, а в Удвиле, да еще и так неожиданно...

Я отказывался поначалу принимать реалии. Думал, что война пройдет мимо меня, что Мэарэя никогда не подвергнется разорению или вторжению войск неприятеля, но я ошибся. Действия войск, защищавших вэцлах Удвил, были крайне безуспешными. Полководцы, которых направил с войсками на передовую Каоба, не смогли ничего сделать. Противник применил оружие, которое смогло полностью вывести из строя все виды защит и лишить нас семидесяти процентов всех энергетических мощностей. Это означало лишь одно: воздушное пространство над Удвилом было открыто для налетов, а любая точка простреливалась большинством видов оружия. Излишне говорить, что в таком случае жители Мэарэи, Нэйрума, других городов и поселений оказывались в зоне поражения. Противник этим и воспользовался. Нам очень повезло, что отца вызвали срочно в Мэарэю из Нэйрума. Как только он отбыл, Нэйрум был поражен излучением, уничтожившим все биологические объекты в нем и в округе.

Отец родился в рубашке, но видеть, как дело твоей жизни уничтожено, а отец проработал в Нэируме больше ста лет, сам принимал участие в его возведении, невыносимо горько и больно. Отец не мог понять: за что так поступили с его детищем, почему Урэна, вместо того, чтобы использовать Нэирум в своих целях, как и оцаланов, в нем работающих, предпочел их умертвить. Погибли во время удара по Нэируму друзья отца вместе с семьями. Получилось так, что наш переезд в столицу спас нам жизнь. Надо было радоваться, но отец грустил. Мать, как могла, помогала ему, но утешения на отца слабо действовали. Потерять место работы и базу, где происходили исследования, – было слишком большим ударом для отца. Не знаю, как бы он вынес такую потерю, а также то, что я, поступив в муций, так и не стал в нем учиться по причине боевых действий, если бы не срочный вызов к Каобе.

Вел встречу, на которую были приглашены все ведущие оцаланы Удвила, первый советник Каобы, Затриг. Он пояснил присутствующим, что в условиях начавшихся боевых действий от них потребуются все силы для того, чтобы, работая в скрытом под поверхностью Марса центре, в каком именно и где он расположен Затриг не называл, разработать оружие возмездия. По словам Затрига оно должно было быть особенным, позволяющим в считанные минуты поразить врага, распылив биологические объекты, но при этом, не тронув важные объекты. Затриг при встрече с оцаланами и инчарсами из других каст намекал на то, что для разработки подобного оружия понадобится работать денно и нощно без выходных и без оплаты. Зато, как говорил Затриг: «Вы и ваши семьи будете в безопасности, пока идет работа и после нее, а после достижения окончательной победы, правитель не забудет вас...».

Отца, хоть он и не хотел, включили в список разработчиков, которые в обязательном порядке должны были срочно собраться и прибыть в пункт сбора, откуда всех оцаланов и их семьи должны были перебросить на базу. Объект, на котором должны были работать оцаланы, назывался Уйлиц. Он находился в укромном месте глубоко под поверхностью Марса. Там можно было жить столетиями, не выходя на поверхность, существовать продолжительное время даже при отсутствии атмосферы и катастрофе планетарного масштаба. В общем, как на первый взгляд, так отцу и всей нашей семье повезло, но на самом деле так только лишь казалось. Отец достаточно хорошо знал жизнь и первых помощников правителей, чтобы верить им на слово. К тому же он не хотел быть разработчиком оружия, которое могло уничтожить цивилизацию на планете.

Его желание или нежелание, конечно, никого не волновало, тем более первых советников Каобы и их помощников, которым нужен был результат. Жизни оцаланов их не волновали, как и других жителей Удвила, кроме, конечно, собственных жизней. Я, когда отец вернулся домой после совещания и рассказал нам с матерью новость, отрицательно на нее не отреагировал. Все-таки, как мне тогда казалось, смерть друзей отца и частичное уничтожение Нэирума требовало отмщения и адекватного ответа. Я твердо знал одно: без реакции подобные действия противника нельзя оставлять, но, признаюсь, отправляться куда-то на базу под поверхность планеты и жить где-то на глубине, как ницкуал (животное, схожее с кротом), не видя Солнца, мне не хотелось. Отец, как я видел, также не горел желанием отправляться в Уйлиц, чтобы заниматься там созданием оружия возмездия. Причина, по которой у отца имелось такое мнение, прояснится из его беседы с матерью накануне отъезда.

Как только я был отправлен отдыхать в принудительном порядке, хотя спать я не хотел, отец, выпив горячего напитка из зерен сергаи (схожи с кофейными зернами), сделал знак матери следовать за ним. Когда родители уединились на кухне, отгородившись от остального мира так, чтобы их не слышали, между ними произошел разговор. Выразительно поглядывая на мать, отец слегка прикусывал нижнюю губу. Ажина молчала, предоставляя право отцу начать беседу.

– Я пока еще не принял окончательного решения, как поступить, – после длительной паузы признался отец. – Мне ясно, что нам всего не говорят...

– Чувствуешь то же, что и я?

– Да, но, если мы не поедем, а сбежим, то наше такое решение будет воспринято, как предательство. За нами придут ширты (агенты службы безопасности), после чего мы исчезнем навсегда. Выбор невелик. Я озвучил мысли, за которые, если они дойдут до ведома заинтересованных лиц, мы можем оказаться в лагере... И нам никто не поможет...

– И все-таки ты намерен сделать то, о чем я догадываюсь?

Отец, глядя на мать, усмехнулся.

– Рискованный шаг, – оценила намерения отца Ажина, – но необходимый.

– Раз ты поддерживаешь меня, значит, я во многом прав. Лучше уйти от того, что вменяется, чем влачить жалкое существование в Уйлице. Там не выжить... Придется стать послушным исполнителем чужой воли, биороботом, исправно делающим свою работу. Я иллюзий не питаю...

– Как не вовремя началась война, – не выдержала мать.

Матиотан жестом остановил ее. Мать только лишь глубоко вздохнула, но больше не проявляла эмоций, понимая, что они – не к месту.

– Тогда осталось только лишь сделать так, чтобы наше исчезновение было – либо обоснованно, либо вообще нас не искали. Как ты полагаешь, это можно сделать?

Отец молчал. Ответить ему было пока что нечего.

– Я что-нибудь придумаю, – пообещал Матиотан.

Родители, пока я крепко спал, еще долго беседовали, а на утро на Мэарэю был осуществлен налет. Столица подверглась мощному удару. По какой-то счастливой случайности Затрига ранило. Отъезд оцаланов поэтому перенесли на несколько дней, что и позволило нам всем, в конечном счете, избежать того, чтобы попасть в бункер под поверхность Марса, но, как оказалось, это было только лишь начало приключений, которые мне довелось тогда испытать. С другой стороны, если бы я попал с родителями в Уйлиц, то точно бы не выжил, а так, несмотря на лишения и тяжелую жизнь, я не только смог найти себя, но и достигнуть определенных высот в нашем мире. Платой за это была смерть обоих родителей, сестры и старшего брата. Их не пощадили. Впрочем, они, как я убедился, должны были погибнуть при любых обстоятельствах. Выбор отца и мой только лишь ускорил их смерть.

Так, естественно, легко рассуждать, когда смерть близких тебе инчарсов уже не вызывает в тебе эмоций. Когда с высоты прожитой жизни ты научился выдерживать удары судьбы, узнал ответы на самые разные вопросы, подтвердил своими действиями правоту тех или иных предположений и убедился в правильности своих же выводов на практике и не один раз. В таком случае смерть близких не так задевает, тем более, когда рассматриваешь ситуацию в целом, а не вдаешься в детали.

В дни, о которых я веду рассказ, меня поразила позиция отца, которого я считал нерешительным оцаланом, неспособным на поступок. Отец же, когда было надо, собирался и являл в короткие промежутки времени лучшие качества и свойства своей, пусть и противоречивой, натуры. За это я и любил этого недооцененного гения, который всерьез считал, что на Марсе можно создать среду обитания, в которой в мире и в согласии будут проживать сотни миллионов инчарсов, не будет войн и кровавых столкновений.

Отец работал над проектом создания единой энергетической сети, которая должна была охватить планету. Также он разработал схему расположения каналов, чтобы подать воду в самые сухие и отдаленные области Удвила. Были серьезные наработки у отца в области создания и производства летательных аппаратов самых разных моделей. В общем, отец был, как обоснованно считала мать, одним из лучших оцаланов в своем деле. Поэтому-то молодая женщина, разведясь с первым мужем, стала жить с Матиотаном.

Характер у отца был сложный, но супруги притерлись и прижились, а как пошли дети, то Матиотан и вовсе подобрел к Ажине, начал считать ее самым лучшим своим другом и совето-

ваться с ней по важным делам. Мать имела живой ум, быстро соображала и по праву также считалась одним из самых лучших специалистов в своем деле. А занималась Ажина разработкой технических средств, которые делали жизнь интереснее, позволяли усиливать и проявлять способности, дремавшие в соотечественниках. Главными средствами были: миодак – обруч-браслет, охватывающий голову, нарши – напульсники, двадии – кружки, устанавливающиеся на левую и правую грудь, что у мужчин, что у женщин или по центру сердечного уровня.

В перечень средств также входили десятки самых разных приспособлений: пояса, витлы – кристаллы, крепившиеся на висках в специальных кружках, цациглы – именные шары-помощники, планирующие в воздухе, которые имел при себе каждый житель Удвила. Кроме этого Ажина еще была разработчиком самых разнообразных устройств для связи, в том числе позволяющих общаться мысленно и многого другого, о чем я буду достаточно подробно рассказывать по мере продолжения повествования. Сразу обо всем и не упомянуть.

Сложность моего рассказа состоит в том, чтобы, с одной стороны, не погрязнуть в излишних деталях, а с другой – не написать чрезмерно в общем. Еще по ходу действия мне придется многое пояснять потомкам из того, что они не знают. Это я отчетливо вижу, глядя в будущее землян. Технологии без знания тонкого мира и мира энергий, законов, действующих в нем, – не более чем высокотехнологичный инструмент в руках первобытного человека. Ими можно пользоваться, но на уровне того, как первобытный человек для того, чтобы колоть орехи, применяет штангенциркуль или добывает себе пищу, используя, как каменный топор, подзорную трубу. Говорю это, как данность, а не с тем, чтобы обидеть или задеть кого-то из потомков.

Сам я, поскольку принадлежал к оцаланам, умел уже в свои восемнадцать лет многое собрать из того, что было под рукой в мастерской у отца. При этом мне никто ничего не говорил и не показывал. Я сам, глядя на родителей, читая их мысли, подключаясь к источникам информации и знаний, улавливая лишь обрывки идей, витающих в воздухе, мог собрать что угодно из того, что было в моем распоряжении. Так Катиал – шар-проводник, исполняющий функции гида и помощника, я собрал сам. Правда, программу для Катиала написал отец. Он же помог его оснастить источником энергии и настроить для работы. Так в четырнадцать лет я впервые своими руками собрал себе друга и помощника, который и наблюдал за мной, передавая информацию о происходящем, как мне, так и отцу.

Я, понятное дело, хотел избавиться от опеки и сделал втайне от отца, используя подручные материалы так, что Катиал передавал ему только ту информацию, которую я записал специально для такого случая. Отец долгое время ни о чем не догадывался, но как-то раз, когда я отсутствовал, гуляя возле Нэирума, Матиотан решил проверить еще одно устройство, которое должно было быстро найти меня. Какое же было удивление отца, когда в том месте, куда он отправил модуль-разведчик, меня не оказалось.

В это время, несмотря на запреты отца, я со старшими товарищами пошел к каналу Смицал, где все вместе мы решили искупаться. Купание не поощрялось, но и не запрещалось. Качество воды было, скажем так, не очень подходящее, но, учитывая жаркую погоду, хотелось окупаться, чтобы тело почувствовало прохладу. Поэтому я сразу и не заметил, как на берег, где мы плескались, вдруг опустился оркат – летательный аппарат для полетов на небольшие расстояния. Из него вышел отец с помощниками. Тогда купание для меня сразу же закончилось. Мне влетело, но я был доволен тем, что так долго водил за нос отца.

Впрочем, Матиотан не слишком расстроился. Он был даже горд тем, что сын идет по его стопам и многое может, будучи еще эгевциалом (юноша в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет). Я был рискованной юношей и смелым экспериментатором. Страх тогда не ведал. Все мне было интересно. Я изучал себя и жизнь вокруг, внимательно наблюдая за происходящим, не деля при этом мир на врагов и друзей. У меня, как я считал, и врагов-то не было. Даже объекты, которые представляли для меня опасность, не вызывали во мне раздражения

или желания от них скрыться или сбежать. Я присматривался к ним, изучал их поведение. В общем, вел себя, как типичный исследователь и испытатель.

Мать говорила, что эти качества мне передались по наследству от отца. Меня же это не волновало. Я привык так жить, тем более что к моим услугам в мастерских, где оставляли меня на долгое время мать и отец, я мог играть и конструировать часами. Родители за меня не беспокоились. Ребенок мирно и тихо ковырялся в самых разных деталях и приспособлениях, соединяя их порой самым немыслимым образом. Над моей головой всегда висел шар-наблюдатель, который транслировал в режиме прямого времени картинку с моим изображением отцу и матери.

Так что все виды схем, микросхем и первичных деталей для устройств и приспособлений самого разного рода и вида я изучил в мастерской еще к шестнадцати годам. Мог их так собрать и скомпоновать, получив игрушку или продукт, который хотел, что отец только иногда лишь головой водил из стороны в сторону. Руки у меня, как он не раз говорил матери и друзьям, откуда нужно росли, а голова соображала нестандартно. Порой я, особо и не задумываясь, находил и вовсе нетривиальные решения. Отец меня очень редко хвалил, но направлял умело, порой только лишь косвенно намекая на то, с чем мне надо разобраться, чтобы собрать ту или иную модель.

Я рос спокойным и здоровым, но в тоже время озорным ребенком. Чрезмерного спокойствия во мне не было. Я мог часами играть с чезранами (роботы и биороботы самых разных форм и видов) в разные игры. Любимой игрой были прятки в Нэируме. Я вскоре так выучил этот огромный комплекс зданий, сооружений, открытых пространств между ними, что знал все его самые потаенные места, что над поверхностью, что под ней. Путешествовал по запрещенной для меня зоне, в общем, озорничал, иногда намеренно терялся так, что меня искала служба безопасности, проверяя все уголки, стараясь меня выявить, как биологический объект, но я на этот случай тоже подстраховывался. Отцу за меня влетало, но он терпел. Руки никогда не распускал.

С пятнадцати лет у меня с отцом возникло негласное соревнование. Он делал все для того, чтобы в любой момент засечь место моего нахождения, а я все делал для того, чтобы усложнить ему эту задачу и не быть видимым. Тогда я еще не знал, что это – всего лишь игра, что в моей голове, а также в туловище были приспособления, позволявшие неким лицам, об их существовании я, естественно, не догадывался, вычислить меня в любой точке на Марсе. Моя свобода, как и свобода всех оцаланов, измерялась, как земляне будут говорить, только лишь длиной поводка. Бегал я тогда на длинной привязи, а незримые кураторы только лишь издали наблюдали за мной, не вмешиваясь в ситуацию и позволяя событиям идти своим чередом. Их все устраивало. Замысел, в соответствии с которым я появился на свет, неукоснительно делал свое дело. Все события в моей жизни были заранее предreshены, все, да не совсем все.

Опять-таки, такой вывод я делаю, глядя на ситуацию с высоты прожитых лет. В юности ты вообще не задумываешься о таких вещах, как слежение за тобой, даже не догадываешься о том, что в твоей нынешней жизни все схвачено, что тебе заранее определен удел и суждено сыграть некую роль, после чего сойти в небытие или получить следующее воплощение.

Штраг (роль) делает инчарсов. Я, как и многие мои соотечественники, вначале восстал против догм и правил, норм поведения и законов, принятых не только в Удвиле, в соседних зонах, но и на всем Марсе. Вот только роль этакого бунтаря и возмутителя спокойствия, которая была мне уготована, я не сыграл, как и роль примерного оцалана, которым хотел казаться и отчасти был отец. В этом я пошел дальше родителей, сменил много ролей, прежде чем приблизиться к самому себе такому, которого сам формировал, размышляя над тем, а кем все-таки мне необходимо быть.

Отправной точкой, сменившей мою жизнь, был, пока мои родители мирно беседовали, раздумывая над тем, что же делать дальше в сложившихся обстоятельствах, сон, неожиданно

приснившийся мне. Спали дети и юноши долго, около шести часов, если считать марсианские сутки равные земным. Так землянам проще будет воспринимать то, о чем пойдет речь. Я не был исключением. Сны мне редко снились, но в ту ночь со мной произошло событие, определившее во многом дальнейшую судьбу. Причем я даже подумать не мог, что со мной подобное произойдет и где, в контролируемом сне.

Ведь, что такое сон? Всего лишь отдых физического тела при снижении активности работы ума, разума и сознания, которые при этом в некоторой мере предоставлены сами себе. Поэтому ты, если у тебя есть способности воспринимать то, что происходит с тобой во сне, иногда, сам не понимая, что творится, видишь события и личностей, которых никогда не воспринимал раньше и не знал, что такие есть. Сон – это сложная жизнь тонких оболочек, ума, разума, сознания и психики во взаимосвязях со знанием того, что сошло и установилось в них с духа и тонких тел.

Чтение и толкование снов – отдельная наука, от которой, когда приходит время, необходимо отойти полностью, чтобы не попасться окончательно в ловушку и сохранить свободу. Проверил на себе. Я ведь до определенного времени и знать не знал, что владею способностями управляемого сна, что могу по своему разумению и хотению посетить во сне даже прошлое. Вот только на таких умных, как я, уже давно наши на Марсе управу. Мне предстояло узнать на себе, что такое быть нарушителем установленных правил и законов, которые железными плитами отделяли сознание от реального мира, делая так, чтобы ты жил в плену догм и иллюзий, постепенно разлагаясь и теряя то, что имел.

Излишне говорить, что в Удвиле состояние сна четко контролировалось соответствующими специалистами и службами. Во сне тебе могли сформировать и проецировать на тебя любое изображение. Это, земляне, очень легко сделать, особенно, если владеешь определенными способностями и инструментами. Во сне ведь часть твоего сознания может путешествовать по разным мирам. Так вот, список этих миров, куда разрешалось забредать сознанию или твоей точной копии – двойнику, который у тебя всегда находится над головой, был четко установлен. Несанкционированные полеты и проникновения отслеживались и пресекались, а способности забирались.

Одно дело ты был ребенком или юношей, другое – взрослым инчарсом. Тебя, если ты не вел себя подобающе, могли не только «освободить» от сновидений и воспоминаний, мешавших тебе жить в соответствии с пониманием контролеров из спецслужб, но и перепрограммировать личность таким образом, что ты вообще забывал, что когда-то что-то мог или видел. Причем делалось это так, как вы записываете на компьютер в уже имеющуюся среду ту или иную программу.

Биопрограммирование у нас было нормой жизни. Его без помех на должном уровне позволяли осуществлять технологии и достижения, состоявшие на вооружении ширтов. Агенты и корпорации «заботились» о спокойствии граждан и об их облике, а также о том, чтобы они мало знали и были ограничены. Мачра – свобода в рамках дозволенного, была на Марсе уделом граждан.

На Земле программирование судьбы и личности будет проявлено еще больше, но осуществляться будет по-другому, так сказать, мягче. К тому же подобная обработка будет в вашем времени поставлена на поток и станет осуществляться автоматически. Проблема-то будет состоять в том, что ко времени, когда прочтут мои записки, способности вообще не будут у людей проявляться в силу ряда причин, но в основном благодаря критичному ослаблению сознания и последствиям магической работы, а также обработки сознания самого разного рода воздействиями и мировоззренческим дурманом.

Технология доброго бога, что ни говори, самое изощренное и коварное, что только можно придумать. Внедрялась она и на Марсе, но все-таки уровень инчарсов был еще достаточно высок, чтобы им, учитывая знания, так откровенно промыть и прочистить мозги. Впрочем,

ширты и другие организации делали все, чтобы его как можно больше понизить и сделать инчарсов все более управляемыми существами.

Я, хотел того или нет, вынужден был с юношества окунуться в круговорот событий, которые и были как раз следствием этого постепенного покорения одними кастами и кланами других. При этом лучшие представители инчарсов делали все для того, чтобы остановить прессинг, осуществляемый на них со стороны ширтов, корпораций и самых разных орденов, отстоять позиции и не дать возможности уничтожить или покорить тех, в ком способности ума, разума, сознания и интеллекта еще проявлялись с особой силой. Таких представителей нашей цивилизации называли лаосами.

В юношестве я еще не знал, что являюсь лаосом, даже не предполагал, что могу им быть, поступая порой импульсивно и без знания того, кем являюсь. Приоткрыл же, точнее, начал приоткрывать мне истинную ситуацию незнакомец, вышедший на меня во сне, о чем я и намереваюсь рассказать. Причем этот незнакомец точно не принадлежал к инчарсам, как и вообще к марсианам. Он, как я сразу понял, принадлежал к лицвалам, проживавшим на Лаэсе (Фаэ-тоне). Он-то и предупредил меня об опасности, но все по порядку.

Во сне, несмотря на войну, развернувшуюся в уделе Удвил и вокруг него, я не видел картин войны. Надо мной было чистое и светлое небо, покрытое редкими тучками. Светило солнце. Я шел по улице большого города. Он был мне не знаком, но я во сне знал, что это один из крупнейших городов на Марсе. Об этом свидетельствовали сооружения, уходящие верхушками и шпилями высоко в небо. В воздухе бесшумно сновали летательные аппараты самых разных видов и размеров. Я же находился где-то в центре города на огромной площади, где среди развязок и многоуровневых переходов и дорог зеленел парк. Зелень, такая редкая на Марсе, здесь представала во всей своей красе передо мной. Признаться, я нигде раньше не видел такой яркий и насыщенный зеленый цвет листьев. Он завораживал и побуждал к тому, чтобы на него долго смотреть, ведь растительность на Марсе была слегка бурого цвета. Зелень на кустах и деревьях, как только она возникала, сразу рыжела, а тут такое буйство жизни, такая красота...

Внезапно, я сам не заметил, как передо мной из листьев появился мой верный помощник и гид Катиал. Шар подлетел ко мне, застыл на расстоянии двух арчей (три метра) и завибрировал, а потом возле него в воздухе появилась картина неизвестного мне места, расположенного на поляне среди зелени.

«Тебя ждут», – прозвучала мысль Катиала в моей голове.

«Кто?»

«Он не представился, но встреча важна».

«Куда идти?» – спросил я, не задумываясь об опасности.

«Следуй за мной», – прозвучало в голове.

Я, еще не подозревая, что будет дальше, последовал за Катиалом, который исчез среди зелени. Как я оказался на поляне среди густой зелени уже не помню. Здесь было пустынно и тихо. Деревья чуть ли не смыкались надо мной в единый свод, стоя в задумчивости, как будто что-то должно было произойти. Я оглянулся по сторонам. Никого. Катиал куда-то исчез и признаков того, что он есть где-то рядом, не подавал. Но, что меня больше всего удивило, так это то, что, когда я обратился к нему с вопросом: ты не ошибся, приведя меня сюда, шар ответил: «Нет, подожди минутку. Вскоре появится тот, кто проведет тебя...».

Кто появится и куда проведет, я так и не успел спросить. Внезапно передо мной в пяти шагах возникла фигура мужчины, закутанная в плащ. Я почему-то не удивился и не испугался. С интересом смотрел на незнакомца. Он был высокого роста и не спешил открывать лицо. Через прорезь в маске на меня внимательно смотрели глаза. Беседу первым начал я, хотя меня учили не вступать во сне в беседы с неизвестными личностями и сразу же просыпаться, если такая встреча произойдет.

– Разве ты не знаешь, что согласно кодексу поведения во сне, тебя здесь не должно быть? Если нас обнаружат, то могут наказать. Тебя это не пугает или ты ширт?

– А я разве не пугаю тебя?

– Ты? – я задумался, а потом произнес: – Нет, ты меня не пугаешь, но зачем ты меня сюда позвал и где мы? Да, и покажи свое истинное лицо.

Как только я это сказал, маска, закрывавшее лицо мужчины, спала. Мне открылся облик мужчины средних лет, принадлежавшего к инопланетной цивилизации. Его большие глаза, прямой нос, тонкие губы, высокий лоб, который венчал обруч, – все выдавало лицвала. Именно такими я видел фаэтонцев перед тем, как планета прекратила свое существование.

– Ты из лицвалов?

– Это особого значения не имеет, но ты не ошибся в предположениях.

– А зачем ты пришел?

– Предупредить тебя. Пришло время тебе начать путь к тому, кем ты был ранее. Иначе ты не выживешь, будешь влачить жалкое существование и рано уйдешь из жизни.

– А откуда ты знаешь, как у меня сложатся дела?

– У меня было время наблюдать за тобой.

– Ты, наверное, ширт, раз так говоришь, – сделал я, как мне казалось, обоснованный вывод.

– Я Монриг Рафут Ируакр. Я – твоё прошлое воплощение. Я – это ты сам, но умудренный опытом, силой и знанием. Я пока ещё могу помочь тебе, значит, и самому себе. Поэтому я здесь. А теперь выслушай меня. У нас очень мало времени, тем более что по твоему следу уже идут.

– Кто?

– Те, за кого ты принял меня.

– Мой отец...

– Я всё знаю, – прервал меня Монриг. – Твой отец решает, что вам делать. Его решение будет правильным. Он не хочет попасть в Уйлиц, понимая, что лучше безболезненная смерть, чем жалкое существование без сил и возможностей что-то изменить в своей судьбе.

– Если всё решает отец...

– Пришло время тебе определить свою судьбу. Ты сделаешь выбор сам и тогда, когда окажешься в дицихе. Тебе придется поднапрячься, чтобы направить целг, который будет у тебя, вот в это место.

После слов Монрига передо мной развернулась неизвестная мне местность. Чем дальше я всматривался в карту, тем больше понимал, что местность расположена не в Удвиле, а на границе зоны.

– Запомнил?

– Где это?

– Удел Орбак ты должен знать.

– Так оттуда же на Удвил наступают дачаэны!?

– Вот путь, по которому ты обязан прибыть на место к скале Водзиг.

В следующую секунду передо мной развернулась карта местности и объёмное изображение места, где мне надлежало быть.

– И что там?

– Должен найти вот это место. Камень Сигр будет тебя ждать.

Передо мной возникло изображение камня. Он поворачивался в воздухе передо мной вместе с частью скалы, из которой выступал.

– И что дальше?

– Разберешься на месте, поговорив с ним. Твоя ладонь – пропуск внутрь. Тебе придется найти место на камне и приложить ее так, как увидишь и почувствуешь. И не медли, когда

представится возможность. Для тебя – это единственный способ уцелеть. Ты рано повзрослел, но иного выхода нет. Я все сказал. Если все исполнишь правильно и вовремя, мы с тобой еще поговорим. А сейчас мне пора уходить. За тобой уже идут. Просыпайся. Сон ты не будешь помнить, но место, куда надо прибыть, не забудешь. Отцу и матери ничего не говори. Так будет лучше для всех. Тебя они не поймут. Знание проявится в тебе в нужный момент, только сделай волевое усилие и помни: что бы ни происходило, жизнь на этом не заканчивается для тебя...

После этих слов фигура Монрига исчезла, как будто ее и не бывало, а я резко проснулся, пройдя во сне за несколько мгновений неизвестные мне пространства. Какое-то время я лежал, а потом, ощутив вибрацию на нарше, согнул руку, чтобы посмотреть на него. Напульсник вибрировал. На нем время от времени загорался красным светом вмонтированный датчик, что было следствием того, что во сне я нарушил неписанные правила поведения. А это означало одно: визит в наш дом ширтов или других агентов влияния. Пришлось звать отца и мать. Они, прервав беседу, подошли ко мне. Взглянув на меня, лежащего на ложе и на напульсник с мигающим датчиком, отец изрек:

– Беда не приходит одна. Здесь оставаться мы точно больше не можем. Иначе...

Фразу отец не договорил, но мне и так все было ясно.

– Спи пока, – сказала мать, отключая устройство. – Завтра рано вставать.

Я не возражал. Сам не пойму почему, но я хотел спать. Уснул, как только приложил голову к подушке, но уже без сновидений. Родители же после вынужденного визита ко мне окончательно решили бежать. Вначале, как я уже говорил, мы отправились в Гавлац, но отец, прежде чем туда прибыть, посадил меня и сестру в дачном домике, а сам с матерью отправился в город. С того момента я их больше не видел.

Как оказалось позже, правитель Гавлаца был предателем. Как только отец и мать прибыли к одному из друзей отца, их сразу же схватили. Мухату нужны были оцаланы, особенно после уничтожения Нэирума. Поэтому за всеми оцаланами в городе и в его пригородах было установлено наблюдение. Сигнал о прибытии гостей агенты, работающие на Мухата, получили немедленно. Шансов у моих родителей тогда не было. Мухат же, зная, кто такой Матиотан, обрадовался. В его руки попал один из лучших интеллектуалов. Мухат решил передать отца Урэне, а это значило работу на врагов под строжайшим контролем. Родители на это, как узнали, что им предстоит, не пошли. Оба ушли из жизни добровольно, имея на этот случай встроенные в ротовой полости капсулы с мгновенно действующим ядом.

Я же, оставшись в домике со старшей сестрой, решил действовать так, как во сне мне сказал незнакомец. Сон почему-то именно тогда ярко и во всех деталях вспомнился мне. Также я вспомнил, что Монриг ничего не говорил мне о том, чтобы я не делился информацией с сестрой. Дальция, услышав мой рассказ, слегка удивилась, но быстро справилась с собой. Поразмыслив, она предложила:

– Дождемся родителей, потом решим, что делать.

Сам не зная почему, я сказал:

– Они уже не вернутся сюда, – чем еще больше удивил сестру.

Щемящее чувство возникло у меня тогда. Я не знал, что точно произошло с родителями, но был убежден, что на месте оставаться долго нельзя, о чем и сказал сестре. Она, подумав, согласилась со мной.

– Куда же мы денемся?

– Полетим к Водзигу, – уверенно сообщил я место, куда нам надо срочно отправляться.

– Ты так доверяешь этому незнакомцу?

– А у меня больше, кроме него и тебя, никому доверять. Здесь нас, если мы останемся, точно схватят. Я в лагерь не хочу, в сиций (интернат) тоже. Попробуем скрыться, хоть это и опасно.

– Оттуда же наступают дачаэны! – слабо сопротивлялась сестра.

– У тебя есть лучшие предложения?

Сестра молчала. В один момент мы стали беглецами, у которых не было приюта. Возвращаться в столицу не было смысла. Это мы оба тогда понимали.

– Ладно, – подумав, согласилась со мной сестра. – Попробуем отправиться туда, куда тебя направили. Может быть, какое-то время переждем там. Если нет, – сестра задумалась.

– ...Тогда придумаем что-то другое, – продолжил я невысказанную ею мысль.

– А на чем добираться будем?

– Так в дицихе есть мастерская, а в ней карч. Придется нам поработать. Карч, хоть и старой модели, но летит еще быстро. Мне pomoжешь?

– Веди, илий (мастер на все руки), – усмехнулась сестра.

Дальция была на девять лет меня старше, готовилась вскоре закончить обязательное обучение и выйти замуж, но этому не суждено было сбыться. Что было положительно в сложившейся ситуации, так это то, что Дальция на уровне разбиралась в моделях самых разных летательных аппаратов, следовательно, могла оказать мне квалифицированную помощь. Вдвоем мы быстро управились. Карч через три часа нашей работы был вполне готов к тому, чтобы следовать в заданном направлении. Мы быстро собрались, погрузив все необходимое, после чего я, не доверяя сестре, повел машину в режиме невидимости на средней скорости как можно ниже над поверхностью так, чтобы ее нельзя было заметить. Если бы мы поднялись выше в воздух, то нас сразу бы засекли. Защита карча была на низком уровне, но лучше что-то, чем ничего.

Так, земляне, в восемнадцать лет я уже сам определил свою судьбу, без колебаний приняв к действию совет Монрига. Это и спасло мне жизнь, позволив стать в конечном итоге правителем одной из ведущих зон, а также председателем планетарного Совета Марса. Однако до этого времени должны были пройти столетия. Я же только начинаю рассказ о днях своей юности, прошедшей по большей степени в войнах и противостояниях. Начало – всегда трудное дело, но вместе с тем и успешный старт, если подготовиться...

Глава 2

В забытом бункере

Когда в юности ты прикасаешься даже частично к знаниям и знакомишься с предыдущим воплощением духа, который ты представляешь в нынешнем воплощении, тебя охватывает легкий трепет и знакомое доселе чувство радости. Как будто что-то просыпается в тебе давно забытое и отложенное до лучших времен.

Ты, глядя на свое прошлое воплощение, думаешь, что он твой учитель. Отчасти это так, но все же тот, которого ты видишь, даже обладая знаниями, опытом и навыками, не смог сделать то, что намеревался.

Теперь он, связавшись с тобой, побуждает тебя продолжить его дело, предупреждает об опасностях, называет вещи своими именами, намекая, что положение дел еще хуже, чем он говорит.

Ты же с некоторой опаской слушаешь его, воспринимая происходящее, как некий сон, но это не сон, а реальный мир, с которым ты едва-едва начал соприкасаться.

Кто рано взрослеет, тот, если не сломается, может достичь многого, в том числе и сотворить себя сильной личностью. Не я первым так поступаю. Также не я последний в этой череде...

Элджил. Из дневника

Пилотирование летательных аппаратов, потомки, было моей страстью с возраста четырнадцати лет, хотя и раньше я тренировался на самых разных тренажерах, имитирующих полет, чтобы разобраться с управлением летательных аппаратов и почувствовать себя в роли пилота. Отец не мешал мне, но и не подталкивал к этому. Вообще папа выдерживал в отношении меня и моего воспитания правильную линию. Он мог только лишь слегка подтолкнуть или направить меня словом, жестом, даже едва заметной усмешкой и озорным блеском глаз, но не больше. Я не слышал от него приказов или распоряжений по типу: пойди и займись тем-то или «как ты мне уже надоел». Даже будучи занятым, отец всегда уделял мне внимание, пусть и немного, но этого вполне хватало для ребенка и юноши, который увлеченно занимался своим делом. Также отец не запрещал мне даже опасные забавы, считая, что в любом случае мне необходимо убедиться на собственном опыте, с чем я имею дело.

К шестнадцати годам я вполне сносно пилотировал любой малогабаритный летательный аппарат, а к семнадцати годам уже, рискуя разбиться, выжимал из того, что было под рукой, максимально возможное. Причем хитрец-отец, когда я готовился к тому, чтобы поступить в муций, ставил мне условия по типу: выучишь от сих до сих, после этого можешь отправиться в Нэирум, чтобы потренироваться пилотировать карчи или целги. В Нэируме у отца были знакомые, которые позволяли мне тренироваться на всем или почти на всем, что, так или иначе, было на площадках и в ангарах. А было в Нэируме сосредоточено немало самых разных средств, в том числе и летательных аппаратов.

Между нами говоря, Нэирум кроме всего прочего был еще и одновременно таким центром, куда с окрестных городов и поселений свозили поломавшуюся технику, если ее не могли починить в местных условиях. Поэтому для меня было раздолье на здешних площадках, где присутствовали все образцы и виды ходящих, летающих и ползающих машин и приспособлений, аппаратов и роботов.

Гинзаг – лучший друг и товарищ отца, когда я приезжал в Нэирум, только лишь вздыхал и хмурил брови, но неизменно говорил:

– Дуцир (помощник Гинзага) предоставит тебе все, что захочешь, но если, как в прошлый раз, поломаешь... – Гинзаг странно вертел головой, приоткрывал рот, намереваясь мне что-то сказать, складывал руки на груди, а потом произносил: – Будешь отрабатывать. Сам будешь помощником ватлла (мастера по починке техники). Не отпускаю тебя в столицу, а отцу скажу, чтобы принял меры.

Я отвечал в том духе, что не подведу его, но частенько нарушал обещания. А когда Гинзаг, гудя, меня распекал, опускал голову и молча выслушивал его замечания, давая выговориться.

Зато помощники Дуцира меня любили. Я, когда приезжал из Мэарэи, вносил в жизнь коллектива разнообразие. Мне прощали выходки и не слишком-то за них выговаривали, делали это, скорее, для виду. Впрочем, как-то раз, когда я сильно разбил, забавляясь, оркат, отцу пришлось платить за его восстановление. Как говорили ватллы, когда я после этого случая к ним снова прибыл: «Ты, главное, сам не расшибись, а остальное мы поправим». За такие слова и доброе, терпеливое отношение ко мне я и любил ватллов. Эти гениальные, как мне казалось, сборщики и механики могли сделать все в буквальном смысле, имея под рукой необходимые материалы.

Я, когда Нэирум был уничтожен, ни о ком так не жалел, как о них, и определил сам для себя тогда главное: что бы ни произошло, я доберусь до тех, кто отдал приказ уничтожить Нэирум с его обитателями. Доберусь и накажу. Как я это сделаю, я еще тогда не знал, зато знал, что так точно будет.

Урэна, правитель вэцлаха Лоуй, – вот, кто был по моему видению главным виновником уничтожения Нэирума. Он и должен был, как я считал, ответить за все. Мысль об этом только-только начала созреть в моем сознании. И это была не месть, а нидза – необходимое действие, которое следовало совершить непременно. Ведь тот, кто позволяет себе не отвечать ударом на удар врага, либо существо забитое, смилившееся с мыслью о рабстве и не имеющее сил что-либо сделать, либо – выжидающее момента для того, чтобы со знанием и умением нанести ответный удар по противнику. Себя, естественно, я причислял ко второму типу инчарсов.

Как-то так сам незаметно для себя я сформулировал один из основных законов, в соответствии с которым жило наше общество. Закон гласил: на действия противника всегда и при любых условиях должен быть адекватный ответ. Я не был удаглом (сломленным инчарсом), которому все равно, что с ним будет, но не был и вержаком – существом, живущим мстостью. Однако я знал точно: агрессор должен получить по заслугам рано или поздно. Если в данный момент я ничего не мог сделать для этого, то в мою обязанность входила необходимая подготовка для того, чтобы я был готов осуществить должное действие. По-иному и быть не могло. А иначе, зачем жить? Влачить жалкое существование покоренного и подотчетного существа? Делать вид, что ничего не происходит и день ото дня жевать, как жвачку, привычную пищу и тихо проклинать противников, которые только лишь посмеиваются от твоей несостоятельности?

У меня был не тот характер, чтобы проходить мимо того, что требует моего должного участия и проявления необходимых качеств. Я жаждал справедливости, хотел, чтобы все было честно. Этим, как я понял с годами, надо переболеть, чтобы обрести некий иммунитет. На поздних стадиях болезни, под названием – борьба за справедливость – чаще всего заканчивается летальным исходом и ты, отстаивая идеалы, сам становишься жертвой собственных ложных представлений, играя своей смертью на руку врагам.

К мудрости в конечном итоге приходит тот, кто обретает внутри себя несколько иное видение происходящего, понимая, что стоит за тем или иным действием и не участвует в играх сил, которые разыгрывают на Марсе спектакль под названием – борьба за равенство и справедливость. Я вовремя понял, что в принципе их быть не может лишь потому, что у каждого своя правда и справедливость.

Если говорить вашим языком, земляне, то волку, если он не съест барашка, будет плохо. О барашке я и не упоминаю. Он точно не обрадуется. Учитывая то, что в физические тела воплощаются как представители духовной субстанции, так и представители темных энергий, паразитирующие на воплощениях духа, питающиеся их энергиями, то все вопли о равенстве справедливости и мире – пустой звук невежд и профанов. Волк никогда не откажется от пищи, а барашек, если не научится себя защищать, рано или поздно станет пищей для волков. Иного не дано в нашей реальности, где все устроено так, чтобы энергии одних питали других. Но хуже всего, земляне, что это борьба и война идет внутри каждого из нас.

Темное в нас питается нашим же светлым и благородным, а личности, являющиеся воплощения тьмы и тени, если они – наши друзья, точно также питаются нашими энергиями, если наша личность есть воплощение духа. Я поясняю для потомков это простое правило, чтобы сразу было понятно кто есть кто и по каким законам в реальности живет мир. Эти законы, по которым живут мироздание и весь космос, устанавливались не один десяток триллионов лет назад. Мы, можно сказать, находимся в конце пути, к которому пришли материя физического плана и сознание, а также такое явление, как жизнь, которое еще кое-где, на некоторых планетах, являет себя космосу.

Инволюция правит бал на всем протяжении миров и пространств, которые только мы можем охватить сознанием. Лучших миров нет и быть не может в сложившихся условиях. Ни в Вечности, ни в Бессмертии нет на самом деле иного существования чем то, при котором тебя медленно убивают, ведь твои энергии – всего лишь питание для сил, которые ничего другого делать не могут и не умеют. Они не занимаются созиданием, тем более творением, поскольку не могут этого делать. Эти силы всего лишь медленно или быстро уничтожают Творение и переводят его во все более низкое качество. При этом Творение становится таким, что оно все меньше может противостоять напору паразитов и их стремлению отхватить самый жирный кусок.

Правда, и среди сил инволюции есть разные представители. Одни, назовем их вичрами, ратуют за то, чтобы постепенно уничтожить Творение, с чувством и последовательно пережевывая его, другие, назовем их угдами, выступают такими беспредельщиками. Им законы не писаны. Они съедают и уничтожают столько, сколько в состоянии сожрать, постоянно совершенствуясь в этом действии. Поэтому их же собратья вичры с негодованием относятся к угдам, даже воюют против них, стараясь поставить на место. Еще бы, ведь они понимают: если угды съедят все Творение, то им нечем будет питаться. Возникает резонный вопрос: а что будет тогда? Отвечу, в таком случае инволюция и ее представители начнут пожирать сами себя. В любом случае это будет означать крах материи физического плана. Она начнет рассыпаться и крошиться.

Ведь материя физического плана и есть одно из проявлений Творения. В данном случае не до сантиментов, особенно воплощениям духа и вичрам, которые рассчитывали с толком и чувством пожрать материал, а тут нахлебники нарисовались, которые могут это делать гораздо быстрее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.